

ЭТНОНИМ «ЧУВАШ» В КОНТЕКСТЕ ПЕРМСКИХ ЯЗЫКОВ

Э.В. Фомин,

доцент Чувашского государственного института культуры и искусств
yeresen@yandex.ru

Чуваши на протяжении последних полутора тысяч лет находятся в постоянных контактах с финно-угорскими народами Поволжья и Приуралья. Чувашский материал важен для финно-угристики, равно как финно-угорский материал крайне актуален для чувашеведения.

Чуваши (самоназвание *чӳваш* [чв́ваш]) – тюркский этнос, основное население Чувашской Республики. В Российской Федерации насчитывается около полутора миллионов носителей чувашской культуры, половина из которых проживает в титульной республике. За пределами республики чувашами компактными группами расселены в Татарии, Башкирии, Марийской республике, Удмуртии, Ульяновской, Самарской, Саратовской, Пензенской, Оренбургской, Нижегородской областях, Красноярском и Пермском краях.

«Имя *чуваш* в русской летописи появляется первый раз в самом начале XVI в., а именно в одном из списков “Истории о Казанском царстве (Казанский летописец)” чувашами упоминаются под 1502 годом» (Федотов 1996: 394).

Между тем исторически первое упоминание о чувашах уже состоялось в “Слове о погибели Русской земли”, датируемом периодом после монголо-татарского нашествия – 1237–1238 гг., но до 1246 г.: «Наряду с черемисами (марийцами) и мордвой автор “Слова” упоминает малоизвестных буртасов и народ *вьяда*. Их идентификация всегда вызывала у исследователей трудности. Под племенем *вьяда* некоторые исследователи подразумевали вотяков (удмуртов) или одно из удмуртских племен – *ватка*. Однако с этим трудно согласиться. Автор “Слова” упоминает *вьяда* между черемисами и мордвой. Поэтому под *вьядой* следует разуметь чувашей, ибо мордва до сих пор называет их *ветьке*.

Это название отразилось на карте Московского государства начала XVII в., составленной голландским путешественником Исааком Масса. В.Н. Татищев писал, что “мордва чюваш... называют ветке”... Усатник Академической экспедиции 1768–1774 гг. И.Г. Георги констатировал, что мордва чувашей называет *видками*, а черемисы – *курке марами*. В мордовском фольклоре Чувашия именуется *Ветькенъ мастор* – “Чувашия земля”. Следовательно, чуваша под мордовским названием *вьяда* впервые упомянуты в первой половине XIII в.» (Егоров 2001: 137–138; Напольских 1997: 49–50).

В чувашеведении сложилось целое направление этимологических исследований этнонима *чуваши*, нередко носящее эмоциональный характер.

Основой дискуссий можно назвать словарную статью М. Фасмера: «**чуваши** – название тюрк. народа, потомков волжск. болгар; *чувашин*, *чувашинин* – то же (Мельников). Название *чуваши* встречается с XVI в. в русск. источниках... Из чув. *tšəvəš* ‘чуваши’, которое связано с тур., азерб. *javaš* ‘мирный, спокойный’, уйг. *jabaš*, непосредственным источником этого чув. слова является тат. *džuvaš* ‘мирный, радушный’, кирг. *džuvaš*, *juvaš*. Из чув. заимств. мар. я., у. *suas*, у. *süas* ‘татарин’. От этого этнонима образовано *чуваши* ‘неопрятный человек’, тверск., псковск., *чушка* – то же, вологодск. (Даль). Позывание свиней *чуваши-чуваши*, возм., навеяно созвучиями типа *чух-чух*, *чуш-чуш* (Даль)» (Фасмер 1996: 376).

В последующем этимология М. Фасмера была подвергнута справедливой критике со стороны чувашских лингвистов: «Нам представляется, что в данном случае М. Фасмер (очевидно, по невнимательности) допустил по крайней мере три неточности: во-первых, В.И. Даль в словарной статье на реестровое слово *чуваши* нигде не упоминает о возможных связях этой лексемы с этнонимом *чуваши*, который, как известно, в такой исходной форме тогда не употреблялся: русские говорили или *чувашинин*, или *чувашин*; во-вторых, приведенное у М. Фасмера вологодское *чушка* в толковом словаре В.И. Даля вообще отсутствовало, его ввел потом, при редактировании слова-

ря, И.А. Бодуэн де Куртенэ, взяв из “Опыта областного великорусского словаря”; в-третьих, по свидетельству “Опыта областного великорусского словаря”, *чуашка* в вологодских говорах имело значение “нерасторопный”, а не “неопрятный” человек, как сказано у М. Фасмера» (Сергеев 1976: 176-177).

Согласно последним этимологическим исследованиям, этноним *чуаш* является результатом развития слова *çăваç* ‘язычник’, восходящее к древнетюркскому *йогъычи* ‘жертвоприносите́ль’. «В золотоордынский период на территории Среднего Поволжья появилось весьма пестрое в этническом и языковом отношении пришлое население (монголы, тюрки-кыпчаки, тюрки-огузы, ираноязычные персы и таджики, армяне, славяне, финно-угры и др.), основная масса которого была исламизирована. Местное сельское болгаро-чувашское население, придерживавшееся традиционных языческих верований, называло себя *çăваç*. Ко второй половине XIV в. основным признаком, различающим пришлое золотоордынское и местное болгаро-чувашское население на территории бывшей Волжской Булгарии, стала выступать религиозная принадлежность. По этому признаку местное болгаро-чувашское население называлось *çăваç*, и мари́йцы это восприняли как этническое название. А пришлое золотоордынское – *бе-сермен* (от арабского *муслимин*).

Окончательно этноним *чăваш* складывается в период Казанского ханства. Переселившиеся во второй половине XV в. в Среднее Поволжье кыпчаки восприняли термин *çăваç* ‘жертвоприносите́ль’ в качестве этнического названия и, согласно произношению кыпчакского (татарского) языка, переделали его в *чăваш* (Егоров 2001: 136-137).

Этноним *чуаш* в удмуртском языке опосредован русским, поскольку к тому периоду, когда завершились болгаро-удмуртские контакты, этнонима *чуаш* еще не существовало. В удмуртском языке имеется значительный пласт болгаризмов и чувашизмов (Федотов 1968; Тараканов 1993). В свою очередь, и в чувашском языке выделяются около 20 удмуртизмов (Wichmann 1903). В настоящее время чувашско-удмуртские взаимосвязи происходят в локальных группах в Граховском районе Удмуртии и Бавлинском районе Татарии.

В состав удмуртов, прежде всего в бесермянский субэтнос, вошли чувашские племена. «Особенности материальной культуры бесермян (прежде всего – традиционный женский костюм) указывают на их чрезвычайно тесные связи в прошлом с чувашами. Поэтому, очевидно, не случайно в XVI–XVII веках предков бесермян, живших по р. Чепце, называли в русских документах *чуаша*» (Напольских 1997: 52; Тепляшина 1968).

Влияние прачувашского этноса на коми происходило в период пермской языковой общности. В современном коми языке выделяются около

двух десятков тюркских заимствований чувашского типа (Федюнева 2013: 8). Обратных заимствований в чувашском не установлено.

Этноним «чуваш» в языке коми также русского происхождения. При этом, как свидетельствуют современные исследователи, он имеет такое пейоративное значение, как ‘трус, сторонящийся людей, нелюдим’: «Ранее не зафиксированное в словарях слово-пейоратив было выявлено методом опроса носителей ижемского и присыктывкарского диалектов, где оно употребляется в значениях ‘трус, сторонящийся людей, нелюдим’. Несомненно, этот этноним был заимствован из русского языка, где также, вероятно, имел этностереотип с отрицательной оценкой. В русский язык слово *чуваши* проникло в VI в. (sic!), по мнению М. Фасмера, из тюркских языков, ср. тат. *džyvaš*, кирг. *juvaš* ‘мирный, радушный’» (Цыпанов 2015: 339-340).

Автор считает, что «отрицательнооценочная коннотация в коми диалекты, возможно, также проникла посредством влияния представителей северных русских диалектов, где на основе традиционного этностереотипа также возникли пейоративные значения этнонима. ...вероятно, значение ‘трус, сторонящийся людей, нелюдим’ в коми-зырянских диалектах возникло самостоятельно, так как подобных значений у слова в русских диалектах не зафиксировано» (Цыпанов 2015: 340).

Заключения Е.А. Цыпанова вызывают ряд вопросов. О каком традиционном этностереотипе о чувашах, бытующем в севернорусской среде, идет речь? Севернорусские земли (равно среднерусские) не являлись территориями, на которые была направлена миграция чувашей, и о них там ничего не было известно.

По сути, здесь мы имеем дело с омонимичными словами, вступающими в отношения параноимической аттракции: с одной стороны, представлены аллоэтнонимы *чувашиенин*, *чувашин*, *чуваши*, с другой – *чувáша* ‘неопрятный, чумазый человек’ < *чуваши-чуваши*, *чушка* ‘свинья, поросенок’; *чух-чух*, *чуши-чуши*, *чухна́*, *чухня́*, *чухáнушка*, *чу́шка* ‘свинья’ (Сергеев 1976: 177–178).

В современных словарях, как правило, коннотации этнонимов не указываются, что совершенно справедливо. Существует золотое правило судить о народах не по негативным качествам, а исключительно по положительным. В тех случаях, когда лексикографирование коннотативных значений неизбежно, их следует выполнить на латинском языке. Подобный подход, например, практикуется в чувашской лексикографии в словаре Н.И. Ашмарина.

Ко всему прочему, уже пришло время отказаться от повторения ошибочных этимологий этнонима *чуваши*. Новая этимология Н.И. Егорова представляется вполне заслуживающей доверия.

***

Егоров Н.И. [Комментарии] // Хрестоматия по культуре Чувашского края: дореволюционный период. – Чебоксары, 2001. – 253 с.

Напольских В.В. Введение в историческую уралоистику : моногр. / Удмурт. ин-т истории, яз. и лит УрО РАН. – Ижевск, 1997. – 257 с.

Сергеев И.Т. По поводу одной этимологии М. Фасмера // Чувашский язык. – Чебоксары, 1976. – Вып. 66. – С. 176–179.

Тараканов И.В. Удмуртско-тюркские языковые взаимосвязи (Теория и словарь) – Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1993. – 170 с.

Тепляшина Т.И. О смешении терминов «чуваша» и «бесермяне» в письменных источниках // Ученые записки. – Чебоксары, 1968. – Вып. 40. – С. 177–187.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. чл.-корр. РАН О. Н. Трубачева. – СПб.: Азбука; Издат. центр «Терра», 1996. – Т. 4. – 860 с.

Федотов М.Р. Исторические связи чувашского языка с волжскими и пермскими финно-угорскими языками. – Чебоксары, 1968. – 212 с.

Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка : в 2 т. / Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. – Чебоксары, 1996. – Т. 2. – 509 с.

Федюнева Г.В. Коми диалектная лексика в контексте болгарско-пермских языковых связей // Финно-угорский мир. – 2013. – № 1. – С. 8–12.

Цыпанов Е.А. Незафиксированные этнонимические слова-пейоративы в коми языке // Пермистика 15: Диалекты и история пермских языков во взаимодействии с другими языками. – Ижевск, 2015. – С. 334–342.

Wichmann Y. Die tschuwassischen Lehnwörter in den permiscen Sprachen / Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. – Helsinki, 1903. – Bd. XXI. – XXVIII. 170 s.